

Module 4 Video Class 3: Interview with Annalee Newitz (Russian)

[00:00:00] Здравствуйте, и снова добро пожаловать в видеоподкаст нашего курса «Журналистика в пандемии: Освещение COVID-19 сейчас и в будущем». Это четвёртый модуль. Мы находимся в конце курса, где мы смотрим в будущее на то, что произойдёт в ближайшие пару лет, и в этом видео мы собираемся поговорить с журналисткой и писателем Аннали Ньюиц. Аннали, спасибо, что присоединились к нашему курсу.

[00:00:22] Да, большое спасибо, что позвали меня.

[00:00:24] Итак, на данный момент у нас более 9 тысяч слушателей из более чем 160 стран мира.

[00:00:31] Ого!

[00:00:31] Я даже не уверена, сколько их на сегодня. Но поскольку наша аудитория настолько разнородна, есть вероятность, что не все могут знать о вашей работе. Вы можете немного рассказать нам о себе и о том, что вы делаете?

[00:00:43] Конечно. Я научный журналист. И за свою карьеру, которая длится уже около двух десятилетий, мне приходилось писать о технологиях и биотехнологиях, а также об эволюции и истории древнего мира — мне довелось заглянуть в самые разные уголки науки. Я была стипендиатом программы Knight Science Journalism Fellowship, как и вы, Мэрин. В последние несколько лет я начала писать научную фантастику и чаще думать о том, как я могу работать на границе между информированными предположениями и надёжными данными. Я продолжаю заниматься настоящей научной журналистикой в таких местах, как New York Times, New Scientist, Popular Science, многих других местах со словом «наука» в названии, и кроме того я публикую научно-фантастические романы и научные книги.

[00:01:39] Так что я сижу на обоих стульях. И мое любимое занятие — это поразмышлять о том, как можно сделать научно обоснованные прогнозы того, куда мы будем двигаться дальше, чтобы быть готовыми к бедствиям — или к хорошим событиям, когда нам нужно выяснить, как распределить ресурсы на эти цели.

[00:02:01] Предсказания, основанные на доказательствах, — это именно то, на что я рассчитывала, так что спасибо за это. Я хотела, чтобы вы пришли и поговорили с этим классом в конце нашего курса ровно потому, что вы работаете на границе художественной и научной литературы, одновременно глядя на общества прошлого и воображая общества будущего. Поэтому я хочу сначала спросить вас об одной из ваших научно-популярных книг, «Разбегаемся, адаптируемся и помним», потому что в ней вы написали следующее: «За 4,5 миллиарда лет жизнь на Земле почти полностью исчезала по крайней мере полдюжины раз. Мы знаем, что в конечном итоге следующая глобальная катастрофа уже где-то на нашем пути». Ну, вот мы и очутились в разгаре глобальной катастрофы. Это похоже на то, что вы себе представляли?

[00:02:49] В некотором смысле да. В моей книге есть раздел о пандемиях и о том, как моделировать пандемии и предсказывать их, и в моей голове пандемии, конечно, были на первых строках списка возможных катастроф. Конечно, я не знала, каково это — переживать пандемию, и не знала о самых разных цепных реакциях, которые

запустит пандемия. Но мысль, которую я вынесла из работы над той книгой — а она посвящена массовым вымираниям, огромным событиям, при которых исчезают более 75% всех видов на Земле, так что это очень масштабно и выходит далеко за пределы того, что мог бы сделать коронавирус, — так вот, одна из вещей, которые я узнала, состояла в том, что на самом деле такие ужасные катастрофы, уничтожающие целый вид или даже целую кучу видов, происходят на Земле довольно-таки часто. Но общей нитью через всю историю жизни на Земле проходит эта идея того, что всё становится по-настоящему интересным в период восстановления после этих катастроф — и что пока что, насколько нам известно, жизнь всегда восстанавливалась. В результате часто появляются новые экосистемы, новые виды живых организмов, новые способы взаимодействия видов. И вы знаете, люди и млекопитающие вообще существуют благодаря всем этим катастрофам. Так что катастрофы могут быть продуктивными, хотя это очень странно звучит сейчас, в разгаре этой коронавирусной пандемии.

[00:04:29] Но мне по-настоящему интересно размышлять о побочных эффектах этих катастроф и цепных реакциях, которые они запускают. Каким образом они повлияют на нашу политическую жизнь? Как они повлияют на то, что будет дальше происходить с планетой и с людьми?

[00:04:44] Через пару минут я ещё спрошу вас о том, что будет дальше, но прежде чем обсудить, как всё восстанавливается, давайте поговорим о том, как всё разваливается. Итак, в «Разбегаемся, адаптируемся и помним», и, кажется, и в вашей новой книге тоже, которая скоро выйдет, «Четыре потерянных города», вы говорите о том, как общества распадаются, как умирают цивилизации. С точки зрения этого опыта и этих знаний, есть ли какие-либо вещи, которые вы видите в данный момент с коронавирусом и которые вас особенно заботят?

[00:05:17] Да, ну, много чего. Один из многих побочных эффектов крупных катастроф глобального характера, состоит в том, что они, как правило, запускают другие глобальные катастрофы, особенно если мы не были к ним готовы. И, к сожалению, в случае коронавируса, особенно в Соединенных Штатах, несмотря на то, что научное сообщество знало, что такая пандемия не за горами, мы не были готовы к ней на политическом уровне. Наши федеральные правительства, правительства штатов и местные органы власти не запаслись всем необходимым для того, чтобы справиться с этим.

[00:05:56] У нас не было координации между различными научными учреждениями, которая помогла бы немедленно отреагировать на проблему. И, честно говоря, у нас нет международной инфраструктуры для решения проблем такого уровня, а это невероятно важно, когда мы имеем дело с глобальной катастрофой, например, с изменением климата или пандемией. Необходима налаженная коммуникация между нациями и доверие между научными сообществами в этих странах. И, знаете, сейчас всего этого просто нет, хотя я надеюсь, что однажды мы к этому придём.

[00:06:25] И одна из вещей, которые я узнала в «Разбегаемся», а затем и в книге «Четыре потерянных города», которая скоро выйдет и будет посвящена тому, как человеческие цивилизации проходят через масштабные преобразования и катастрофы, заключается в том, что этих дополнительных проблем действительно нужно остерегаться. Сейчас мы боремся с коронавирусом, мы работаем над ним.

[00:06:48] Но одновременно с этим рухнет наша экономика, наши политические институты станут более нестабильными, экологические проблемы обострятся без регулирования отходов. Возникает больше проблем, связанных с изменением климата, потому что экологический контроль в эти трудные времена ослабляется. И когда множество катастроф накладываются друг на друга — политическая катастрофа на фоне природной катастрофы, которая затем порождает еще одно стихийное бедствие — вот тогда всё действительно идёт наперекосяк. Я недавно слушала передачу California Report на общественном радио здесь, в Калифорнии, о том, что сейчас мы сталкиваемся с голодом.

[00:07:40] Мы сталкиваемся с угрозой голода в Калифорнии: несмотря на то, что у нас много еды, многие люди сейчас недоедают, плохо питаются, и им нечего есть. И это, опять же, ещё один пример цепной реакции, когда мы начинаем с пандемии, а в итоге получаем пандемию с голодом, политической нестабильностью, экономической нестабильностью. Если таких звеньев цепи станет слишком много, в вашем обществе начинают происходить по-настоящему драматические изменения, что-то вроде коллапса или революции, нечто куда более серьёзное, чем болезнь.

[00:08:15] Из этого ассортимента всего, что может пойти не так, который вы нам обрисовали — спасибо, наверное, я сама на это напросилась...

[00:08:23] У меня есть ещё, если надо!

[00:08:30] Мне и правда надо, потому что мне любопытно знать, какие из этого вашего списка вещей, которые могут пойти не так, с вашей точки зрения будут самыми неприятными? С чем в ближайшие пару лет будет сложнее всего справиться?

[00:08:43] Это действительно хороший вопрос, и отчасти ответ на него состоит в том, что у нас нет способа узнать это наверняка. Потому что мы не знаем, насколько трудно будет создать вакцину для коронавируса COVID-19... Даже если мы получим вакцину за эти пресловутые полтора года — что вообще-то просто предположение, не так ли, на это может уйти и 10 лет, мы ведь просто не знаем — даже после того, как мы её получим, мы не знаем, как она будет распространяться.

[00:09:16] И я думаю, что этот вопрос о том, как вакцина будет распространяться, — это как раз тот вопрос, которым надо задаваться тем, кто хочет понять, насколько нестабильной может стать ситуация. Потому что есть научное решение этой проблемы — но ещё есть политическое и экономическое решения. И я думаю, что научное решение гораздо более прямолинейное, чем экономическое и политическое. Так что мой ответ на вопрос о том, что неприятнее всего — это наши правительства и то, как они реагируют на эту очень незамысловатую задачу, которая заключается в том, чтобы помочь своему народу остаться в живых с помощью научного знания.

[00:10:01] И это очень простая задача, но как только в ней появляются внутривнутриполитическая борьба, необходимость потакать сторонникам, олигархии, люди, подкупающие друг друга, и всё то, что, как мы знаем, происходит в каждой стране, задача становится труднее. И как только мы оказываемся в паутине этих политических вопросов, мне кажется, именно тогда появляются такие побочные эффекты, как голод и обострение проблем с токсинами в окружающей среде. Потому что вся энергия руководства страны уходит на то, чтобы дать чьему-то брату

контракт на производство вакцин, а не на то, как безопасно управлять сельскохозяйственным производством. Да, к сожалению, я думаю, что от политической нестабильности у науки нет лекарства, а жаль. Я думаю, есть люди, которые верят, что научное лекарство существует, но, к сожалению, это социальное лекарство, и его труднее всего получить и применить. Общественная терапия даётся тяжелее всего.

[00:11:07] Давайте поговорим о чем-нибудь обнадеживающем.

[00:11:14] Окей, я готова.

[00:11:17] Перейдём на другую сторону уравнения. В ваших книгах мне нравится то, что, хотя вы пишете о довольно тяжёлых вещах, о конце цивилизаций, о смерти динозавров, смерти Вселенной, вам удаётся найти в них очень обнадеживающие моменты. Ваших художественных книг, на мой взгляд, это касается в ещё большей степени. Итак, мне интересно, исходя из того доверия к человеческой креативности и общности, которое чувствуется в вашей работе, видите ли вы сейчас какие-либо поводы для надежды на лучшее? Есть ли в этом вашем огромном списке плохих вещей что-нибудь, что на самом деле заставляет вас надеяться, что всё может кончиться хорошо?

[00:11:56] Да, конечно. Думаю, надежда всегда есть. Мне кажется, самым мрачным будет именно тот момент, когда мы перестанем надеяться и хотя бы поэтому пытаться исправить ситуацию. Даже когда мы находимся в невероятно трудных условиях, продолжая работу, будь то работа в лаборатории, будь то выход на улицу и протест против правительства, которое несправедливо распределяет еду, лекарства или политическую власть, мы всегда сохраняем надежду.

[00:12:30] И для меня наименьшая единица надежды — если бы мы могли измерить её так, как мы измеряем, например, размеры атомных структур — наименьшая единица надежды для меня — это дружба и доверие между людьми. И как только появляется это, когда возникают сообщества, которые, как я уже говорила, будут работать в лаборатории, чтобы найти вакцину или лекарство, или когда политические противники становятся союзниками, или когда политическая группа начинает сотрудничать с духовной группой — всегда, когда люди могут работать вместе, возникают ростки чего-то лучшего. Конечно, всегда есть исключения, и всегда есть группы людей, которые собираются вместе и делают плохие вещи, я не хочу преуменьшать значение этого. Но в целом, с такой проблемой, у которой много сторон, политических и научных, чем больше людей, координирующих свои усилия, тем лучше.

[00:13:35] Я также думаю, что если на секунду сосредоточиться только на коронавирусе, а не на таких больших проблемах, как изменение климата и политические сложности, то одна из особенностей человеческой истории заключается в том, что всякий раз, когда происходит массовая катастрофа в виде пандемии, она обычно приводит к прогрессивным социальным изменениям, особенно социальным изменениям для работников. Вот уже тысячу лет, а то и больше, каждый раз, когда какое-то сообщество переживает пандемию, она всех заставляет быстро вспомнить, чей труд в этом сообществе важен.

[00:14:17] И это всегда люди, которые делают пищу, выращивают пищу, помогают ухаживать за больными, просвещают общество и занимаются образованием. В

повседневной жизни мы часто забываем, насколько эти люди важны хотя бы просто для нашего выживания и нормальной достойной жизни. И мне кажется, по крайней мере, здесь, в Соединенных Штатах, людям внезапно приходится признать: те, кто собирает в полях то, что я ем, на самом деле гораздо важнее парня, который написал программу Zoom, или того чиновника, который подписывает бумаги в каком-то там госучреждении. То есть, наверняка тот парень и тот чиновник — замечательные люди, но если мы говорим о выживании своего вида, то важны те, кто собирает еду.

[00:15:12] Так, например, после первой волны бубонной чумы в Англии, чумы XIV века, прошла волна трудовых реформ. И тогда впервые за очень много лет в британской истории крестьяне получили больше прав, заработная плата рабочих выросла. И сейчас в США мы видим начало чего-то подобного. Рабочие впервые объявляют забастовки в секторах, где их раньше никогда не организовывали — и это к тому, что я говорила о социальных связях между людьми. Например, рабочие собираются вместе и организуются, и они говорят: «Что нам нужно? Как мы можем обеспечить себе защиту и безопасность? Не потому, что мы не хотим делать свою работу, а как раз потому, что хотим. И мы хотим лучшей защиты, нам нужны средства индивидуальной защиты, больничные дни, медицинская помощь — всё это всего лишь гуманные условия работы. Опять же, раз за разом на протяжении всей истории, когда общества реорганизуются после таких природных и экономических катастроф, часто это дает возможность группам, которые до этого были маргинализированы, выйти вперед и сказать: «Нет, мы важны», и на самом деле быть услышанными.

[00:16:28] Так что это вселяет в меня надежду. Ещё в меня вселяет надежду то, что после коронавируса — и об этом уже говорили многие люди, работающие с темами вокруг изменения климата, — у нас есть метафора, которую люди уже интернализовали, для того, как предотвратить долгосрочную проблему, например, изменение климата или пандемию, как предотвратить ее ухудшение.

[00:16:57] И вся идея «сглаживания кривой» просто в том, чтобы не делать некоторых вещей и таким образом сделать мир лучше для всех нас. Теперь мы можем начать разговор о том, как это всё имеет отношение к климату, потому что там работают абсолютно те же правила. Мы что-то делаем каждый день лично, мы принимаем меры на уровне наших местных и федеральных органов власти, чтобы бороться с этим заболеванием — так же, как и с изменением климата, так же, как и с выбросами углерода, сбросом токсичных веществ в окружающую среду, с сельскохозяйственными стоками, с использованием антибиотиков в пищевых продуктах.

[00:17:38] Всё это сложные глобальные проблемы, и я думаю, что теперь люди готовы начать мыслить таким образом. С этой мыслью очень трудно свыкнуться: «Так, то, что я делаю сейчас, влияет на всех по всему миру и потенциально на всех на 10 или 20 лет в будущем» — это тяжело, но я думаю, теперь мы начинаем понимать. Мы видим, как мелочи, которые мы делаем в нашей повседневной жизни, могут быть частью больших глобальных усилий, так что это также даёт мне надежду.

[00:18:11] Я думаю, что когда мы выйдем из этого периода карантина и пандемии, мы услышим голоса новых групп людей — это будут новые группы рабочих, новые группы людей, которые борются за климатическую справедливость, которые наконец

смогут добиться того, чтобы их идеи воплотились в меры политики. Так что это обнадеживающий результат.

[00:18:38] Спасибо за это, спасибо, что надеетесь. Давайте сложим всё вместе, весь негатив и все поводы для оптимизма. Как по вашим оценкам или в вашем авторском воображении выглядят следующие пару лет? Год, два года, пять лет — что, как вы думаете, может произойти?

[00:18:57] Да, есть много интересных способов ответить на этот вопрос. Отчасти я уже немного об этом говорила: я думаю, будет больше организации труда, больше осознания бедности и ужасных коэффициентов Джини и неравенства в некоторых местах. И в то же время, я думаю, если отложить в сторону большие штуки, то мы увидим много перемен в том, как люди взаимодействуют в Интернете.

[00:19:35] Как я уже говорила, у меня есть опыт технологической журналистики, и я много думаю о том, как мы сейчас используем технологии и как это повлияет на политику и образование. Возьмём тот факт, что мы сидим здесь в этом МООС — знаете, массовые открытые онлайн-курсы существуют уже какое-то время, и они очень полезны. Думаю, теперь они станут чаще восприниматься как норма. И одна из замечательных особенностей всех МООС, и этого в частности, заключается в том, что они очень международные. Они объединяют группы слушателей, которые обычно не взаимодействуют друг с другом. Конечно, трудно взаимодействовать с шестью тысячами других людей в МООС, но факт в том, что это тоже небольшой момент единения, который мы создаём прямо сейчас.

[00:20:17] Это группа людей со всего мира, говорящих на разных языках, которые знакомятся с одними и теми же идеями и которые вынесут из этого курса иные представления о том, как делать журналистскую работу, как писать и как взаимодействовать со своими сообществами. Невозможно переоценить, насколько это радикально и трансформативно. Я думаю, эти тенденции могут распространиться дальше и на политику. Очевидно, что сейчас политической активности в Интернете будет уделяться гораздо больше внимания. Сегодня в США мы можем слушать, как Верховный суд обсуждает дела по телефону — это то, что раньше было просто недоступно. В какой-то момент моей карьеры меня очень интересовало дело Верховного суда, связанное с файлообменниками, и я всю ночь спала на улице в очереди в Верховный суд, чтобы попасть на прения. Это было довольно захватывающе, я бы не хотела этого делать сейчас — такое намного проще проверить, когда тебе 20 лет. Но это означает, что люди, которые не имеют возможности спать на ступеньках Верховного суда, теперь смогут услышать, как суд обсуждает очень важные вопросы.

[00:21:29] С другой стороны, я думаю, что мы увидим изменения и в том, как люди взаимодействуют в реальном мире. Совершенно очевидно, что это изменит социальные нормы вокруг того, как люди сидят вместе, как они используют общественный транспорт в таких странах, как Соединенные Штаты, где мы просто ужасно носим маски — у нас просто нет такой культуры ношения масок, как в Японии и Китае и во многих других странах, где это нормально, где люди сплошь и рядом носят маски. Всё это действительно изменит то, как люди воспринимают друг друга.

[00:22:15] И одна из вещей... Вот ещё один интересный побочный эффект. В США и во многих европейских странах существуют законы, направленные против людей, прикрывающих лица на публике, и на бумаге эти законы должны препятствовать

преступности. Но я думаю, что, как уже отмечали многие группы, на деле это законы, которые призваны лишить права быть мусульманками женщин, которые хотят носить хиджаб или хотят прикрыть свои лица.

[00:22:48] И как только мы в США нормализуем идею о том, что люди должны носить маски, я не думаю, что эти законы смогут дальше работать. Это странно, но пандемия может дать нам некоторые политические свободы, которых у нас раньше не было: свободу выражения мнений, свободу носить то, что вы хотите носить, и не оказываться вне закона, и это меня очень радует. Мне кажется, что это отличный результат: ну, знаете, очень жаль, но ваши расистские законы придётся отменить, если хотите, чтобы люди выжили.

[00:23:26] Вот те вещи, о которых я люблю думать, такие странные маленькие обходные пути, странные последствия того, как общественное здравоохранение распространит своё влияние на другие части нашей жизни и, возможно, сделает их лучше. Очевидно, есть много вариантов, при которых всё станет хуже.

[00:23:44] Я думаю, что ещё в будущем появится больший акцент на том, как мы распределяем финансирование на медицину и здравоохранение. И это особенно важно в таких странах, как США, где... у нас очень тонкий слой... у нас есть... как бы получше выразиться? У нас на самом деле нет национальной системы здравоохранения.

[00:24:08] Это так.

[00:24:08] У нас есть штука, которая может стать национальной системой здравоохранения. Поэтому мне кажется, интерес общественности к тому, как сделать здравоохранение более доступным, сильно вырастет. Это просто стало настолько очевидно, что если этого не сделать, погибнут люди.

[00:24:28] И наконец — опять же, это всё мелочи, но думаю, мы увидим гораздо больший интерес к автоматизации с точки зрения того, как попасть куда-то, не касаясь двери, или как спустить воду в туалете, не касаясь унитаза, и всё такое. И всё это звучит очень здорово, у нас будет больше технологий, помогающих нам проводить занятия, и технологии, помогающие нам жить без необходимости касаться поверхностей, которые могут быть загрязнены.

[00:24:57] Но я хотела бы закончить это размышление словами о том, что всё это снова выявит и подчеркнет невероятную пропасть между имущими и неимущими. Потому что будут люди, которые могут позволить себе компьютер для МООС, которые могут позволить себе работать или жить в здании с автоматизацией, у которых, в конце концов, будет работа — и будет подавляющее большинство людей, которые не имеют доступа к медицинской помощи, которые работают на опасных работах и не получают компенсации за это.

[00:25:31] Поэтому для меня всё возвращается к вопросу о том, как мы поступим с нашими важнейшими работниками, которые подвергались жестокому обращению и маргинализации. Итак, я думаю, что следующие три-пять лет будут полны проблем с правами работников и со здравоохранением — и полны онлайн-занятий.

[00:25:52] Включая эти.

[00:25:52] Да.

[00:25:54] Я думаю, от имени всех нас я могу поблагодарить вас за то, что назвали этот MOOC радикальным и преобразующим.

[00:26:00] Ну, я просто говорю правду.

[00:26:04] Что ж, спасибо большое, это были действительно фантастические идеи. Спасибо, что присоединились к нашему курсу.

[00:26:08] Да, спасибо, что позвали меня. Удачи!